

УДК 94(47).08

DOI: [HTTPS://DOI.ORG/10.5281/ZENODO.22792522](https://doi.org/10.5281/ZENODO.22792522)

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КУЛЬТУРНОГО ОТДЕЛА СОВЕТА
ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СОЮЗОВ И ПРОФСОЮЗА РАБОТНИКОВ
ИСКУССТВ ПО ПРОВЕДЕНИЮ КУЛЬТУРНО-МАССОВОЙ РАБОТЫ
В ЗОНЕ КИТАЙСКО-ВОСТОЧНОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ (1921–1935)**

Яхимович С. Ю.

*Дальневосточный юридический институт МВД России имени И. Ф. Шилова
г. Хабаровск, Российская Федерация
E-mail: sergyahim-69@yandex.ru*

Рассмотрена малоизученная проблема распространения советской культуры профессиональными союзами в районе Китайско-Восточной железной дороги с 1921 по 1935 г. На основе архивных материалов, многие из которых впервые вводятся в научный оборот, автором предпринимается попытка рассмотреть и проанализировать функционирование специальных профсоюзных органов, осуществлявших в Северной Маньчжурии культурно-массовую работу среди советских граждан. Отмечается, что главную роль в этом процессе играли культурный отдел местного Совета профессиональных союзов и подчинённый ему профсоюз работников искусств. На первых порах их деятельность имела ряд трудностей, связанных с недостатком финансирования, нехваткой квалифицированных кадров и отсутствием реального опыта такой работы. Однако главное препятствие представляла сама сущность культурно-массовой работы профсоюзов, которая заключалась в обязательной пропаганде коммунистической идеологии. Вместе с тем в Маньчжурии коммунистическая агитация была запрещена, что вызывало постоянные конфликты профсоюзных органов с китайской полицией. После оккупации Маньчжурии японскими войсками в 1932 г. новые власти повели беспощадную борьбу с советским культурно-идеологическим влиянием. В результате в 1935 г. вся культурно-массовая работа профсоюзов была окончательно прекращена.

Ключевые слова: Маньчжурия, профессиональный союз, культурный отдел, профсоюз работников искусств, культурно-массовая работа, клуб, пропаганда.

Популяризация социокультурных идей среди населения всегда осуществлялась пропагандистскими методами массовой культуры. Сегодня, в условиях развития информационного общества этот тезис приобретает новые практические очертания. Для понимания современных процессов такого рода необходимо обращаться к опыту прошлых лет, что и обуславливает актуальность данной статьи. Одним из таких востребованных исторических эпизодов, представляющих интерес, может быть реализация советской культурно-массовой работы в зоне Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) через специализированные органы профессиональных союзов в 1920-х – первой половине 1930-х гг. Уникальность проблемы определяется географическим положением, а именно функционированием советских профсоюзов среди обширного сообщества советских граждан на территории иностранного государства, к тому же в обстановке враждебного идеологического окружения. В

отечественной историографии тематике развития культурно-массовой работы уполномоченных на то профсоюзных органов в Маньчжурии уделялось незначительное внимание [20; 21; 52 и др.]. Целью исследования является попытка расширить круг знаний о деятельности этих профсоюзных институтов в указанный хронологический период и проанализировать некоторые аспекты, связанные с ней.

На рубеже XIX – XX вв. для обслуживания и развития инфраструктуры, построенной Россией КВЖД, в Маньчжурии поселились десятки тысяч российских подданных. После революции 1917 г. в полосе отчуждения КВЖД появился ряд профсоюзов, ориентировавшихся на партию большевиков. В конце 1920 г. все они по советскому образцу были сведены в Совет профессиональных и производственных союзов. Тогда же территория полосы отчуждения КВЖД была преобразована китайским правительством в Особый Район Восточных Провинций (ОРВП) и центральный союзный орган переименовали в Губернский совет профессиональных союзов (ГСПС или губпрофсовет) ОРВП. Из входивших в объединение наиболее значимым и многочисленным был Производственный союз работников железнодорожного и водного транспорта (Дорпрофсож) КВЖД [11, л. 29; 12, л. 8; 30, л. 4–65]. Среди функций советских профсоюзов на территории северной части Маньчжурии входило, в том числе, и формирование нового типа советского человека в откровенно антисоветских условиях. Особая ставка в профсоюзной работе делалась на пропаганду мировоззренческих установок через культурно-массовую работу. Одним из главных помощников ГСПС ОРВП в этом деле стал профсоюз работников искусств, появившийся здесь в конце 1922 г.

Для осуществления централизованного процесса культурного и образовательного развития членов союзов решением пленума ГСПС ОРВП от 5 февраля 1921 г. в его структуре был создан культурно-просветительский отдел (Культодел или Культпросвет), которому подчинялись такие же отделы или культкомиссии во всех профсоюзах Харбина и линии КВЖД. Сразу же было утверждено жалование заведующему Культпросветом по смете расходов в размере 200 зол. руб. в месяц [30, л. 3; 45, л. 1–1 об.], что по местным меркам считалось достойной оплатой. Правовой статус культурно-просветительского отдела в составе ГСПС был закреплён в зарегистрированном 10 сентября 1921 г. уставе [29, л. 4–5]. Задачами Культпросвета того времени значились: организация и инструктаж ячеек отдела в профсоюзах; разработка уставов и положений для культурно-просветительных отделов союзов, кружков, курсов и школ для взрослых; проведение лекций по вопросам культуры и просвещения; распространение литературы и библиотек; способствование развитию всех видов искусства. Через Культпросвет шла и идеологическая обработка членов союзов, коммунистическая агитация. Всё это реализовывалось в основном методами культурно-массовой работы [2, с. 7–8; 23, с. 33].

Руководители культурно-просветительского сектора часто менялись, из-за нехватки подготовленных кадров или нередко совмещали сразу две должности, но регулярная ротация внутри ГСПС ОРВП считалась тогда вынужденным явлением [42, л. 2]. Первым заведующим Культпросветом ГСПС ОРВП 3 марта 1921 г. был

избран Востоков, но вскоре отдел был реорганизован и с 20 августа его заведующим стал авторитетный дальневосточный журналист, краевед и кооперативный деятель Н. Н. Матвеев-Бодрый [30, л. 4, 60; 38, л. 7]. Со второй половины 1922 г. и до конца 1925 г. этот пост периодически занимали члены президиума ГСПС ОРВП: известная революционерка М. М. Свиридова (совмещавшая его с должностью секретаря ГСПС), Имеряков (заместитель заведующего Культотделом, затем его руководитель), К. А. Филиппович (в 1923 г. был председателем ГСПС, в 1924 г. зав. Культотделом), Н. Т. Карпенко (председатель Культотдела в 1925 г.) [4, с. 198–199; 6, л. 4; 10, л. 4; 42, л. 2; 43, л. 2 об.] и другие.

В структуру Культпросвета ГСПС ОРВП в этот период входили дошкольный и внешкольный отделы, а также музыкально-драматическая и литературно-художественная секции (или студии). Музыкально-драматическую секцию основал и возглавлял до отъезда из Харбина в 1922 г. известный позднее деятель культуры и науки Б. П. Сальмонт. В Харбине он занимался активной публицистической, общественной и культурной деятельностью (печатался в просоветских газетах «Вперед» и «Россия», журнале «Рабочая мысль», организовал «Свободный творческий театр»). Помимо работы в ГСПС он также являлся инструктором в Дорпрофсоже КВЖД [48]. Литературно-художественной студией ГСПС в 1921–1922 гг. руководил молодой и талантливый организатор Л. Васильев [3]. По проблемам школьного образования в зоне КВЖД Культпросвет ГСПС сначала учредил школьный отдел, но быстро ликвидировал его, так как взаимодействовал с отделом по народному образованию при аппарате Особоуполномоченного Дальневосточной Республики, в котором имел своего представителя. Дошкольный отдел курировал детские сады и детский дом при КВЖД, внешкольный – рабочий университет (около 60 постоянных слушателей), вечернюю гимназию для взрослых (на 80 чел.), библиотеку, две читальни и спортивный кружок молодёжи. Особой гордостью считался рабочий университет, открытый ещё в 1920 г. и имевший в 1921 г. два отделения – общественно-экономическое и естественно-научное [22, с. 21–25]. В 1923 г. для более эффективного управления культурно-просветительской работой при Культотделе ГСПС была организована коллегия из представителей отдельных профсоюзов – Межсоюзное культсовещание [6, л. 6–7; 8, л. 7].

На начальном этапе шло неофициальное становление советской культурной политики в зоне КВЖД, поэтому больших успехов не наблюдалось. В декабре 1923 г., отчитываясь за год о культурно-просветительской работе ГСПС ОРВП, председатель губпрофсовета К. А. Филиппович заявлял, что «за весь отчётный период Культотдел особой интенсивностью похвастать не может» [8, л. 7], но тут же привёл объективные тому причины. Прежде всего, это противодействие китайской полиции, дефицит кадров, почти полное отсутствие финансового фонда для культурных нужд, который тогда только начали формировать (позднее, с октября 1925 г. для усиления финансирования культработы профсоюзы стали отчислять в кассу ГСПС 7–10 % от своих доходов [6, л. 14]). Кроме того, с октября по декабрь 1922 г. должность заведующего Культотделом оставалась вакантной. В начале 1923 г. культурная работа стала налаживаться, но желаемых темпов не приобрела.

Например, кружки по изучению профдвижения в этот год открыть так и не удалось [8, л. 7–7 об.]. Курирующая профсоюзы коммунистическая организация ОРВП, характеризуя в октябре 1923 г. культурно-массовую работу ГСПС, заостряла внимание на первоочередных задачах в этой области на ближайший год. Культотделу предстояло: наладить работу по ликвидации неграмотности среди членов профсоюзов; окончательно советизировать железнодорожные собрания, превратив их в рабочие клубы; больше внимания уделять просоветской прессе и организовать сеть рабочих корреспондентов газет; увеличить количество кружков [5, л. 17–19]. Вероятно, исправлять ситуацию в 1924 г. было поручено бывшему председателю ГСПС ОРВП К. А. Филипповичу, так как в этом году именно он занимал пост заведующего Культотделом [43, л. 2 об.].

В мае и сентябре 1924 г. СССР и Китай заключили соглашения по совместному владению КВЖД, и первоочередными задачами тогда было выстраивание нового механизма управления дорогой и её кадровая политика, поэтому культурные нужды отошли на второй план. При этом профсоюзам проводить советизацию своих подопечных, которые оказались теперь гражданами СССР, стало труднее, так как подписанные соглашения юридически запрещали распространение в Маньчжурии коммунистической идеологии [18, с. 333, 463]. Но пока в докладе о работе ГСПС ОРВП за четвёртый квартал 1924 г. отмечались трудности и просчёты в деятельности Культотдела иного рода. Так, при организации профсоюзных кружков по линии культурно-просветительской направленности работа была проведена не продуманно, без твёрдого плана. Кружки были образованы в спешке, где по 40–50 человек, а где по 2–3, и в результате глубокого воспитательного эффекта сразу не получилось. Сложности в функционировании Культотдела вызывали отсутствие достаточного количества квалифицированных кадров, особенно в профсоюзных культкомиссиях на местах, нехватка финансирования и излишняя бюрократизация [42, л. 1–2].

С окончательным утверждением СССР на КВЖД в 1925 г. культурно-массовая работа заметно оживилась. Председатель ГСПС ОРВП Г. П. Есиков 19 сентября 1925 г. в докладе на заседании третьего делегатского съезда Дорпрофсожа КВЖД отдельно останавливался на культурной работе, осуществлявшейся Культотделом в течение первой половины года. Он подчёркивал непостоянство этой работы в связи со сложными политическими условиями в регионе, но привёл и положительную статистику, показывающую её масштабы. На 1 июля 1925 г. в ОРВП функционировали 24 профсоюзных клуба (из них 21 на балансе Дорпрофсожа КВЖД) на 3,5 тыс. чел., 86 красных уголков, 53 библиотеки (53,2 тыс. книг), 38 школ по ликвидации неграмотности на 618 обучающихся, было открыто 49 спортивных кружков и 36 спортплощадок на 6 тыс. чел. За лето по Харбину и линии КВЖД для членов профсоюзов было проведено 204 обзорных и образовательных экскурсий, организовано 46 детских площадок для летнего отдыха (аналог пионерских лагерей) на 4 тыс. детей. Несмотря на чинимые полицией препятствия и срыв её сотрудниками ряда культурно-массовых мероприятий, Есиков констатировал заметный рост в профсоюзах культурной работы [32, л. 13].

Сказывалось укрепление политико-экономического присутствия СССР в североманьчжурском регионе.

Работники различных сфер искусства особенно активно привлекались Культпросветом ГСПС ОРВП для реализации программы по приобщению к социалистическим культурным ценностям профсоюзной общественности, и здесь ставка делалась в первую очередь на губернский отдел профессионального союза работников искусств (губотдел Рабис) в ОРВП. Рабис оформился по инициативе, приехавшей в Северную Маньчжурию из советской России, группой творческих работников, главным образом артистов. Они уже были знакомы с профсоюзной деятельностью и на общем собрании своих коллег в Харбине 17 ноября 1922 г. предложили создать профессиональное объединение по советскому типу. Большинством голосов Харбинский губернский Рабис был создан и начал работу [27, л. 34]. Поначалу штат аппарата губотдела Рабиса состоял из 3 чел., из них 2 выборных и 1 технический работник, однако к середине 1920-х гг. в правление союза уже входили 5 членов и 3 в ревизионную комиссию [36, л. 4; 40, л. 3; 44, л. 10]. В 1923 г. заместителем председателя губотдела Рабис был Невский [39, л. 71], в 1924 г. союзом руководили Володин и секретарь В. Е. Валин [37, л. 10], в 1925 – первой половине 1927 г. посты председателя и секретаря занимали соответственно М. З. Грицай и В. Е. Валин [7, л. 1–4; 34, л. 3, 9], со второй половины 1927 г. до лета 1929 г. – Володин, секретарь – А. Тишлер [21, с. 79]. Во время советско-китайского конфликта 1929 г. и в 1930–1931 гг. работой Рабиса руководила секретная «тройка», состав которой часто обновлялся [24, л. 124; 27, л. 36].

Основной задачей Рабиса, с учётом местных политических особенностей, оставалось явное или скрытое распространение социалистических идеалов среди русского и по возможности китайского населения ОРВП посредством массового искусства. Поэтому функционирование Рабиса строго курировалось профсоюзными и партийными органами и носило централизованный характер. Это понимали и противники распространения советского влияния. Задачи по советизации местных жителей неизменно предполагали демонстрацию коммунистических идей, что было запрещено на маньчжурской территории советско-китайскими соглашениями 1924 г. Китайская полиция, на службе в которой состояло немало русских белоэмигрантов, внимательно следила за деятельностью профсоюза и старалась всячески пресекать культурные мероприятия, не без причин усматривая в них пропаганду коммунизма [13, л. 24].

Наблюдение за профсоюзами вели и члены белоэмигрантских антисоветских организаций. Некоторые из них, характеризуя деятельность Рабиса, утверждали, что под его прикрытием действовало немало агентов советских спецслужб. Особенно много их было среди артистов увеселительных заведений, где получить информацию было легче в силу располагающей к разговорам обстановки [16, л. 114–115]. В связи с повышенным вниманием китайской полиции и белоэмигрантов к харбинскому Рабису руководящие инстанции рекомендовали правлению союза усилить конспирацию и вести переписку только через Далькрайрабис или ГСПС ОРВП [21, с. 74]. Главное полицейское управление ОРВП полагало, что

запрещённая официальными договорами с СССР пропаганда в профсоюзах шла в основном через культурно-массовую работу. Полицейские часто вмешивались в дела профсоюзных клубов и железнодорожных собраний в Харбине и на линии КВЖД. Учреждения нередко закрывались и обыскивались, функционеры Рабиса и профсоюзных культкомиссий арестовывались. В отчётах ГСПС ОРВП и Дорпрофсожа КВЖД, у которого было больше всего таких учреждений, содержатся данные о полицейских репрессиях против культурно-массовых мероприятий советских профсоюзов [14, л. 26–29, 152; 31, л. 277–279 об.]. В январе 1926 г. китайские власти даже запретили работу Рабиса, и правление союза временно перевело его работу на нелегальное положение [27, л. 34].

В октябре 1924 г. ГСПС ОРВП и все входящие в него профсоюзы инспектировались специальной комиссией Дальневосточного бюро ВЦСПС во главе с Я. Черных. В отношении Рабиса ОРВП Черных обратил внимание на слабый охват профсоюзом работников кинематографа. Так, в Харбине на тот момент действовало 4 кинотеатра, в которых трудилось около 50 чел., но из них только 3 состояли в Рабисе. Однако сложность заключалась в том, что все эти предприятия были частными и принадлежали некоему Алексееву, враждебно настроенному к профдвижению. Среди музыкальных работников Харбина наоборот наблюдалась другая тенденция – почти 85 % от их числа входили в профсоюз, но 35 % из них оставались безработными. Черных предлагал союзу энергичнее искать для них разовые подработки, пока не появятся новые крупные театральные и филармонические центры [41, л. 26–27].

В 1924–1926 гг. активизировалась связь Рабиса ОРВП с центральными профсоюзными инстанциями. Делегаты от союза присутствовали на очередных Всесоюзных съездах профсоюзов в Москве и на краевом съезде в Хабаровске. В Харбине и на линии КВЖД союз по указанию Культотдела ГСПС ОРВП проводил частые общие собрания, конференции, доклады, торжественные заседания, приуроченные к советским знаковым событиям (например, 1 мая, памяти В. И. Ленина, пятилетию Всероссийского Рабиса и т.п.), развивалось рабкоровское движение. Для нужд профсоюзов в 1926 г. в пригороде Харбина были открыты дом отдыха с площадкой для спортивных игр, который обслуживался членами Рабиса [6, л. 14 об., 33–34, 56–58; 27, л. 34].

Центром культурной и просветительской жизни Харбина и всей КВЖД с самого начала её работы являлось Железнодорожное собрание (желсоб). Здесь не только была огромная библиотека, кинозал и театральная сцена, проходили концерты, общие вечера, балы и банкеты, но всё чаще и разного рода общественные собрания. На общем сходе действительных членов желсоба для его руководства выбирался комитет старшин из 5 лиц и 2 кандидатов, а также ревизионная комиссия. С началом революции 1917 г. под митинги, съезды и прочие свои мероприятия харбинский желсоб облюбовали профсоюзы. В связи с этим партийно-профсоюзные органы в 1921–1922 гг. настойчиво проводили своих людей в комитет старшин. Так, в середине 1920-х гг. одним из его членов был видный харбинский большевик, правитель дел КВЖД (отвечал за все назначения на дороге)

И. О. Яцунский. Ещё одним очагом культуры стал клуб Главных механических мастерских в Харбине, также нередко использовавшийся союзами в своих целях [1, с. 146–147; 28, л. 9; 33, л. 257; 34, л. 3]. Из многочисленных харбинских театров и клубов наиболее вместительными для зрителей оставались театр гостиничного комплекса «Модерн» (на 750, а затем 1,2 тыс. зрителей), театральные залы харбинского желсоба и Коммерческого собрания (каждый примерно на 1 тыс. и 800 посадочных мест соответственно) [19, с. 270, 275; 46, 99–100, 110].

Аналогичные желсобы и профсоюзные клубы открывались во всех городах и посёлках по линии КВЖД. На важность клубной работы в 1931 г. указывал в своём докладе для НКПС товарищ председателя правления КВЖД А. И. Емшанов – «на всех железнодорожных станциях желсобы являются единственным местом культурного развлечения и единственной открытой трибуной воздействия советского искусства и приобщения советской колонии к жизни Советского Союза» [24, л. 13 об.]. Большой популярностью среди членов профсоюзов пользовался кинематограф, фильмы показывали довольно часто даже на линии КВЖД. Например, в железнодорожном клубе станции Мулин в первом квартале 1926 г. киносеансы демонстрировались в среднем один раз в неделю. Но были и недостатки в продвижении массового искусства. Из отчёта о культработе месткома той же станции Мулин следует, что кинокартины в основном – американские боевики, а драматических постановок в клубе на советские темы почти не было из-за негативной местной политической обстановки [15, л. 429].

Харбин, известный высокими заработками для артистов привлекал внимание даже центральных московских художественных коллективов. Так, руководство Московского художественного академического театра (МХАТ) обратилось 13 марта 1925 г. с письмом к выставочному отделу Российско-Восточной торговой палаты с ходатайством о включении делегации их студии в число участников Харбинской выставки достижений индустриальной промышленности. Палата согласилась, «считая, что демонстрация театрально-художественных достижений Советского Союза будет также иметь несомненное значение в демонстрации общих достижений Союза на Харбинской выставке» [51]. В результате 19 марта правление Студии МХАТ командировало в Харбин на летний сезон 1925 г. труппу в составе 35 чел. (23 актера, 12 театральных работников). Периодически в зоне КВЖД гастролировали и советские творческие коллективы из дальневосточных городов [21, с. 74, 78–79; 49].

Несмотря на определённые успехи в продвижении советской культмассовой работы, одной из главных проблем Рабиса в ОРВП являлось качество профессиональных кадров. Многие артисты-члены профсоюза, если это только были не приехавшие из СССР, обладали более свободными представлениями о театрально-эстрадной жизни и не отличались строгой дисциплиной. Артисты, музыканты и администраторы позволяли себе вольности, граничившие с криминалом (спекуляция контрамарками, растрата артельных денег, дополнительные заработки у антисоветских элементов в обход мнения правления союза, длительные задолженности по оплате артистам и т.п.) [37, л. 12 об.; 39, л. 71–

73]. Некоторые поступки иногда даже имели протестный характер. Например, 10 мая 1923 г. на заседании президиума ГСПС ОРВР разбирали персональное дело артиста, члена Рабиса М. Арского, который во время сценических выступлений неприязненно отзывался о руководстве союза, критикуя его с нескрываемым сарказмом [39, л. 73]. В сентябре 1928 г. музыканты харбинского желсоба, являвшиеся членами профсоюза, несколько дней бастовали, считая, что советская часть администрации КВЖД занизило им оплату за проведенное мероприятие. Правление Рабиса заняло сторону управления КВЖД, после чего конфликт с трудом был улажен [36, л. 1–3].

Некоторые представители местной советской чиновничьей верхушки своим образом жизни способствовали подобным проявлениям. Слабый контроль за расходами заработанных КВЖД денег усиливал тенденцию так называемого «обуржуазивания» крупных руководителей, что выражалось в их стремлении подражать высшей элите, в частности, приблизиться к миру искусства высокого столичного уровня. Так, советским руководством КВЖД на сезон 1926–1927 г. из Москвы в Харбин, якобы для нужд трудящихся, были выписаны драматическая, оперная и опереточная труппы с расходом в 300 тыс. руб. на год, что даже в харбинских реалиях того времени выглядело как неоправданная роскошь [10, л. 51; 46 с. 110–112]. Все три коллектива работали при Желсобе КВЖД, но советские пьесы ставила в основном только драматическая труппа [26, л. 28–29]. Репертуар же коллектива оперетты мало отвечал советской тематике отчасти потому, что на формирование состава труппы большое влияние оказывали не столько профсоюзные, сколько высокопоставленные партийно-хозяйственные функционеры, протезировавшие своих личных знакомых. Многие из этих советских чиновников подверглись в Маньчжурии сильному моральному разложению и пагубному влиянию ресторанного пьянства, где и приглашали в труппу непроверенных артистов. Особенно в этом преуспел скандально известный по позднейшим проверкам Центральной контрольной комиссии ВКП(б) начальник службы сборов КВЖД Б. А. Хесин. Из множества таким образом привлечённых им в труппу артистов, треть оказалась бывшими белогвардейцами и антисоветчиками [25, л. 139]. В результате проверяющий от Дальневосточной контрольной комиссии ВКП(б) И. П. Гасин в начале 1931 г. констатировал: «Достаточной популярностью пользуется коллектив драмы с советским репертуаром, и как основной недостаток работы Желсоба – организация оперетты с чуждым халтурным репертуаром; состав опереточных артистов – большинство белогвардейцы. В будущем от халтур-оперетты необходимо отказаться» [25, л. 131].

Политическая ситуация в Маньчжурии отличалась постоянным нарастанием напряжённости, что напрямую отражалось на отношении китайских властей к реализации профсоюзной культурно-массовой работы. Ярче всего картину изменения в положении Рабиса ОРВП демонстрирует динамика численности членов союза. В отчёте ГСПС за третий квартал 1923 г. губернский отдел (губотдел) Рабиса в ОРВП назывался среди наиболее крупных по числу членов союзов. На 1 июля 1923 г. в профсоюзе значилось 427 чел., с 1 августа по 1 октября количество членов

Рабиса оставалось одинаковым – 438 [40, л. 2–3, 23, 25]. К концу 1924 г. наблюдался резкий рост численности членов Рабиса, что объясняется заключением советско-китайских договорённостей о совместном владении КВЖД. Вместе с тем превратности творческих профессий показывали и осязаемое число безработных членов союза. Так, по отчётной документации на 1 октября 1924 г. в профсоюзе работников искусств значилось 740 членов (из них 259 безработных), 1 ноября их уже 824 чел. (безработных – 425), 1 декабря – 875 (253 не трудоустроенных). В 1925 г. численность членов Рабиса несколько снизилась: в январе – 848 чел. (212 не имевших работы), на 1 апреля – 787 [42, л. 5, 8; 43, л. 6, 37; 44, л. 10].

В начале 1927 г. по переписи в союзе Рабис числилось 729 чел. Председатель антисоветского Союза беспартийных А. В. Троицкий сообщал, что в середине 1927 г. Рабис насчитывал 622 чел. Троицкий объяснял падение количества членов разочарованием трудящихся профсоюзной политикой и её бюрократизацией, а также нарастанием полицейского давления [9, л. 1, 8]. Правление Рабиса на 1 декабря 1928 г. приводило цифру в 518 членов, но объясняло снижение численности исключением из союза большого количества злостных неплательщиков членских взносов [35, л. 25; 36, л. 4–6]. По данным ГСПС ОРВП перед советско-китайским конфликтом 1929 г. в профсоюзе состояло 364 чел., а после его завершения на 1 января 1930 г. их оставалось уже 252 чел., к 1 апреля – всего 182 [27, л. 35–36]. Полицейские репрессии и особенно советско-китайский конфликт на КВЖД второй половины 1929 г. очень серьёзно сказались на членах Рабиса, подействовав на них деморализующе. В связи с падением численности союза и полицейским преследованием его работы весной 1931 г. по решению Северо-Маньчжурского комитета ВКП(б) и Объединённого СПС ОРВП (так стал именоваться бывший ГСПС) Рабис был ликвидирован как самостоятельная организация и включён отдельной секцией в профсоюз Советских торговых служащих. Управлялась секция Рабиса через специального профуполномоченного [25, л. 123].

Тем не менее, хотя и под неусыпным надзором полиции, но после окончания советско-китайского конфликта в 1930-х гг. Рабис по-прежнему осуществлял свою нелегальную деятельность. В основном она продолжала вестись в клубах железнодорожных собраний, на содержание которых администрация КВЖД только в 1930 г. выделила 140 тыс. руб. (на 23 клуба) [24, л. 14]. А. И. Емшанов отмечал, что в этот период «клубы охотно посещались железнодорожниками, но работа клубов крайне стеснена полицейским нажимом, за исключением разве клубов, расположенных в самом Харбине. На многих станциях полиция не разрешает никаких постановок, кроме американских кинофильмов» [24, л. 13 об.]. Емшанов в своей аналитической записке косвенно затрагивал ещё одну задачу Рабиса – работу с китайскими агентами КВЖД. Однако в этом направлении профсоюз далеко не продвинулся, и «если советская часть железнодорожников охвачена клубами относительно удовлетворительно, то китайская часть рабочих и служащих КВЖД совершенно клубами не обслуживается, за исключением Харбинского, где наравне с нашими кружками работает драматический кружок китайских служащих. В огромном большинстве клубы и их управления состоят из одних советских граждан,

хотя по уставу клубов, как членами, так и членами правления клубов, могут быть китайцы» [24, л. 13 об.–14], – писал Емшанов. Он же констатировал, что работа по привлечению китайских рабочих и служащих дороги в клубную жизнь велась безрезультатно по двум причинам – это усилившиеся в ходе конфликта 1929 г. «великодержавные шовинистические настроения среди огромного числа советской части железнодорожников и противодействие китайских властей, боящихся всяких попыток какого-либо сближения и культурного воздействия на китайских рабочих и служащих с советской стороны, усматривая в этом так называемую «красную пропаганду»» [24, л. 14].

В сентябре 1931 – феврале 1932 г. японские войска оккупировали северо-восточные провинции Китая и создали на этих территориях марионеточное государство Маньчжоу-Го. Это обстоятельство ещё губительнее сказалось на советских позициях в Маньчжурии, чем трения с китайскими властями. По законам Маньчжоу-Го коммунистическая идеология и профсоюзы левой политической ориентации объявлялись вне закона. Соответственно и культурно-массовая работа профсоюзов велась теперь в условиях повышенной конспирации, за исключением тех случаев, когда мероприятия разрешались маньчжоугоской цензурой. Как правило, позволялось только празднование 1 мая и 7 ноября, но очень скромно, непродолжительно, под надзором полиции и в закрытых помещениях нескольких центральных клубов Харбина [17, с. 3].

С 1933 г. правительство СССР осознало, что удержаться на КВЖД будет невыполнимо и стало вести переговоры с Японией о продаже своей доли дороги. В обстановке скорого ухода из Северной Маньчжурии и невозможности легальной деятельности поредевших советских профсоюзов урезалось и их финансирование. Так, Политбюро ЦК ВКП(б) в 1933 г. сократило расходы на культурное обслуживание КВЖД с 400 до 100 тыс. руб. [46, с. 140]. Репрессии японо-маньчжоугоских полицейских структур не ослабевали и были направлены в первую очередь на культурно-просветительскую работу ОСПС и Рабиса. В декабре 1934 г. власти запретили к показу театральные пьесы советских авторов, а советские культурные учреждения почти все были закрыты. Полиция повально арестовывала советских культурных работников, в том числе членов Рабиса. В январе-феврале 1935 г. в Харбине и на линии КВЖД полиция закрыла и опечатала все желсобы и клубы. В таких условиях секция Рабиса практически прекратила свою деятельность [50, с. 100–101]. В марте 1935 г. СССР продал свою часть прав на КВЖД Маньчжоу-Го, и многие советские граждане вернулись на родину, а советские профсоюзы здесь были ликвидированы.

Таким образом, культурно-массовая работа, проводившаяся советскими профсоюзными органами в Северной Маньчжурии в 1920-х – начале 1930-х гг., была направлена на привитие социалистических ценностей членам этих организаций. Культурно-просветительской деятельностью в основном занимался Культотдел североманьчжурского центрального профсоюзного аппарата при активной помощи местного отделения союза работников искусств. Основная работа концентрировалась в рабочих и профсоюзных клубах и театрах, находившихся в

советской сфере влияния. Однако на этом поприще главным препятствием стало наличие в культурной работе обязательных элементов коммунистической пропаганды, официально запрещённой в Маньчжурии. Вызванные, в том числе и этим фактором многочисленные конфликты Китая и Советского Союза на КВЖД затрудняли выполнение поставленных перед Культотделом ГСПС ОРВП и Рабисом задач, делая их неминуемым объектом репрессий со стороны полиции. После оккупации Маньчжурии японскими войсками в 1932 г. профсоюзы перешли на нелегальное положение. Японо-маньчжурские власти вынуждали советское руководство к продаже КВЖД и ещё сильнее преследовали культурные мероприятия, практически парализовав работу Рабиса и профсоюзных культкомиссий.

Список использованных источников и литературы

1. Андриец Г. А. Первые библиотеки на территории КВЖД (конец XIX – начало XX в.) // Россия и АТР. – 2016. – № 1. – С. 144–152.
Andriets G. A. Pervye biblioteki na territorii KVZHD (konets XIX – nachalo XX v.) // Rossiya i ATR. – 2016. – № 1. – S. 144–152.
2. Бодрый Н. Трудящиеся и Культпросвет // Рабочая мысль. – 1921. – № 4. – С. 7–8.
Bodryi N. Trudyashchiesya i Kul'tprosvet // Rabochaya mysl'. – 1921. – № 4. – S. 7–8.
3. Васильев Л. – руководитель художественной студии культпросвета СПС КВЖД в 1921–1922 гг. // Хабаровский краевой музей имени Н. И. Гродекова. – Номер по КП (ГИК): ХКМ КП 9641/3032.
Vasil'ev L. – rukovoditel' khudozhestvennoi studii kul'tprosveta SPS KVZHD v 1921–1922 gg. // Khabarovskii kraevoi muzei imeni N. I. Grodekova. – Nomer po KP (GIK): KHKM KP 9641/3032.
4. Воловникова Г. М. Революционная молодость // За советский Дальний Восток. Выпуск 3 / Сост. К. Н. Петина. – Владивосток: Дальиздат, 1988. – С. 187–199.
Volovnikova G. M. Revolyutsionnaya molodost' // Za sovetskii Dal'nii Vostok. Vypusk 3 / Sost. K. N. Petina. – Vladivostok: Dal'izdat, 1988. – S. 187–199.
5. Государственный архив Приморского края (далее – ГАПК), ф. П-61, оп. 1, д. 166.
Gosudarstvennyi arkhiv Primorskogo kraia (dalee – GАРK), f. P-61, op. 1, d. 166.
6. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ), ф. Р-734, оп. 1, д. 1.
Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (dalee – GАРF), f. R-734, op. 1, d. 1.
7. ГАРФ, ф. Р-3385, оп. 2, д. 687.
GARF, f. R-3385, op. 2, d. 687.
8. ГАРФ, ф. Р-4558, оп. 1, д. 7.
GARF, f. R-4558, op. 1, d. 7.
9. ГАРФ, ф. Р-5826, оп. 1, д. 142.
GARF, f. R-5826, op. 1, d. 142.
10. Государственный архив Хабаровского края (далее – ГАХК), ф. П-2, оп. 1, д. 157.
Gosudarstvennyi arkhiv Khabarovskogo kraia (dalee – GAKHK), f. P-2, op. 1, d. 157.
11. ГАХК, ф. П-433, оп. 2, д. 12.
GAKHK, f. P-433, op. 2, d. 12.
12. ГАХК, ф. П-433, оп. 2, д. 13.
GAKHK, f. P-433, op. 2, d. 13.
13. ГАХК, ф. П-458, оп. 1, д. 16.
GAKHK, f. P-458, op. 1, d. 16.
14. ГАХК, ф. П-458, оп. 1, д. 45.
GAKHK, f. P-458, op. 1, d. 45.
15. ГАХК, ф. П-1965, оп. 1, д. 2.

- ГАКНК, ф. Р-1965, оп. 1, д. 2.
16. ГАХК, ф. Р-830, оп. 3, Д. 50698.
ГАКНК, ф. Р-830, оп. 3, Д. 50698.
17. День 1-го мая в Харбине // Герольд Харбина. – 1933. – 3 мая.
Den' 1-go maya v Kharbine // Gerol'd Kharbina. – 1933. – 3 maya.
18. Документы внешней политики СССР. Т. 7 (1 января – 31 декабря 1924 г.). – М.: Политиздат, 1963. – 760 с.
Dokumenty vneshnei politiki SSSR. T. 7 (1 yanvarya – 31 dekabrya 1924 g.). – М.: Politizdat, 1963. – 760 s.
19. Крадин Н. П. Харбин – русская Атлантида. – Хабаровск, 2010. – 365, [2] с.
Kradin N. P. Kharbin – russkaya Atlantida. – Khabarovsk, 2010. – 365, [2] s.
20. Кротова М. В. СССР и российская эмиграция в Маньчжурии (1920–1930-е гг.). – СПб.: Астерион, 2014. – 336 с.
Krotova M. V. SSSR i rossiiskaya emigratsiya v Man'chzhurii (1920–1930-e gg.). – SPb.: Asterion, 2014. – 336 s.
21. Крыловская И. И. Хроники деятельности харбинского отделения профессионального союза работников искусств (1925–1929 гг.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 11. – Ч. 1. – С. 72–82.
Krylovskaya I. I. Khroniki deyatel'nosti kharbinskogo otdeleniya professional'nogo soyuza rabotnikov iskusstv (1925–1929 gg.) // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. – 2016. – № 11. – Ч. 1. – С. 72–82.
22. Культура и просвещение // Рабочая мысль. – 1921. № 7. – С. 21–25.
Kul'tura i prosveshchenie // Rabochaya mysl'. – 1921. – № 7. – С. 21–25.
23. Культурно-просветительская работа // Рабочая мысль. 1921. – № 3 – С. 33–34.
Kul'turno-prosvetitel'skaya rabota // Rabochaya mysl'. 1921. – № 3 – С. 33–34.
24. Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ), ф. 613, оп. 3, д. 50.
Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii (dalee – RGASPI), f. 613, op. 3, d. 50.
25. РГАСПИ, ф. 613, оп. 3, д. 51.
RGASPI, f. 613, op. 3, d. 51.
26. РГАСПИ, ф. 613, оп. 3, д. 194.
RGASPI, f. 613, op. 3, d. 194.
27. Российский государственный истории архив (далее – РГИА), ф. 323, оп. 3, д. 2.
Rossiiskii gosudarstvennyi istorii arkhiv (dalee – RGIA), f. 323, op. 3, d. 2.
28. РГИА, ф. 323, оп. 3, д. 12.
RGIA, f. 323, op. 3, d. 12.
29. РГИА, ф. 323, оп. 3, д. 14.
RGIA, f. 323, op. 3, d. 14.
30. РГИА, ф. 323, оп. 3, д. 15.
RGIA, f. 323, op. 3, d. 15.
31. РГИА, ф. 323, оп. 3, д. 20.
RGIA, f. 323, op. 3, d. 20.
32. РГИА, ф. 323, оп. 3, д. 26.
RGIA, f. 323, op. 3, d. 26.
33. РГИА, ф. 1679, оп. 1, д. 18.
RGIA, f. 1679, op. 1, d. 18.
34. Российский государственный истории архив Дальнего Востока (далее – РГИА ДВ), ф. Р-4207, оп. 2, д. 2.
Rossiiskii gosudarstvennyi istorii arkhiv Dal'nego Vostoka (dalee – RGIA DV), f. R-4207, op. 2, d. 2.
35. РГИА ДВ, ф. Р-4207, оп. 2, д. 5.
RGIA DV, f. R-4207, op. 2, d. 5.

36. РГИА ДВ, ф. Р-4207, оп. 2, д. 7.
RGIA DV, f. R-4207, op. 2, d. 7.
37. РГИА ДВ, ф. Р-4455, оп. 1, д. 5.
RGIA DV, f. R-4455, op. 1, d. 5.
38. РГИА ДВ, ф. Р-4455, оп. 1, д. 7.
RGIA DV, f. R-4455, op. 1, d. 7.
39. РГИА ДВ, ф. Р-4455, оп. 1, д. 53.
RGIA DV, f. R-4455, op. 1, d. 53.
40. РГИА ДВ, ф. Р-4455, оп. 1, д. 58.
RGIA DV, f. R-4455, op. 1, d. 58.
41. РГИА ДВ, ф. Р-4455, оп. 1, д. 158.
RGIA DV, f. R-4455, op. 1, d. 158.
42. РГИА ДВ, ф. Р-4455, оп. 1, д. 172.
RGIA DV, f. R-4455, op. 1, d. 172.
43. РГИА ДВ, ф. Р-4455, оп. 1, д. 229.
RGIA DV, f. R-4455, op. 1, d. 229.
44. РГИА ДВ, ф. Р-4455, оп. 1, д. 350.
RGIA DV, f. R-4455, op. 1, d. 350.
45. РГИА ДВ, ф. Р-4456, оп. 1, д. 72.
RGIA DV, f. R-4456, op. 1, d. 72.
46. Русские в Китае. Исторический обзор / Под общ. ред. А. А. Хисамутдинова. – М. [Б.и.]; Шанхай: Координационный совет соотечественников в Китае и Русского клуба, 2010. – 572 с.
Russkie v Kitae. Istoricheskii obzor / Pod obshch. red. A. A. Khisamutdinova. – M. [B.i.]; Shankhai: Koordinatsionnyi sovet sootchestvennikov v Kitae i Russkogo kluba, 2010. – 572 s.
47. Русско-китайские отношения в XX веке: Материалы и документы. Т. III. Советско-китайские отношения. Сентябрь 1931 г. – сентябрь 1937 г. – М.: Памятники исторической мысли, 2010. – 861 с.
Russko-kitaiskie otnosheniya v XX veke: Materialy i dokumenty. T. III. Sovetsko-kitaiskie otnosheniya. Sentyabr' 1931 g. – sentyabr' 1937 g. – M.: Pamyatniki istoricheskoi mysli, 2010. – 861 s.
48. Сальмонт Борис Петрович [Электронный ресурс] // Русский Харбин: [сайт]. – URL: <https://forum.vgd.ru/post/614/31743/p4893940.htm?ysclid=lzgltnods229362494> (дата обращения: 05.08.2024).
- Sal'mont Boris Petrovich [Elektronnyi resurs] // Russkii Kharbin: [sait]. – URL: <https://forum.vgd.ru/post/614/31743/p4893940.htm?ysclid=lzgltnods229362494> (data obrashcheniya: 05.08.2024).
49. Список труппы Студии МХАТ, отъезжающей на летние гастроли по Сибири и в Харбин от 20 марта 1925 г. [Электронный ресурс] // Музей Московского Художественного академического театра. – Номер по КП (ГИК): Музей МХАТ КП-5450/61 / Госкаталог РФ: [официальный сайт]. – URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?q=харбин&imageExists=null&typologyId=15> (дата обращения: 10.08.2022).
- Spisok truppy Studii MKHAT, ot'ezhayushchei na letnie gastroli po Sibiri i v Kharbin ot 20 marta 1925 g. [Elektronnyi resurs] // Muzei Moskovskogo Khudozhestvennogo akademicheskogo teatra. – Nomer po KP (GIK): Muzei MKHAT KP-5450/61 / Goskatalog RF: [ofitsial'nyi sait]. – URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?q=kharbin&imageExists=null&typologyId=15> (data obrashcheniya: 10.08.2022).
50. Ткаченко Г. И. Советские трудящиеся на КВЖД в борьбе за укрепление пролетарской солидарности с китайским народом (1924–1935 гг.). – М.: Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока, 1988. – 114 с.
- Tkachenko G. I. Sovetskie trudyashchiesya na KVZHD v bor'be za ukreplenie proletarskoi solidarnosti s kitaiskim narodom (1924–1935 gg.). – M.: Institut istorii, arkheologii i etnografii narodov Dal'nego Vostoka, 1988. – 114 s.
51. Ходатайство о предоставлении бесплатного проезда на Харбинскую выставку труппе Студии МХАТ от 13 марта 1925 г. [Электронный ресурс] // Музей Московского Художественного

академического театра. – Номер по КП (ГИК): Музей МХАТ КП-5450/63 / Госкаталог РФ: [официальный сайт]. – URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?q=харбин&imageExists=null&typologyId=15> (дата обращения: 10.08.2022).

Khodataistvo o predostavlenii besplatnogo proezda na Kharbinskuyu vystavku truppe Studii MKHAT ot 13 marta 1925 g. [Elektronnyi resurs] // Muzei Moskovskogo Khudozhestvennogo akademicheskogo teatra. – Номер по КП (ГИК): Музей МХАТ КП-5450/63 / Goskatalog RF: [ofitsial'nyi sait]. – URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?q=kharbin&imageExists=null&typologyId=15> (data obrashcheniya: 10.08.2022).

52. Яхимович С. Ю. Советский профсоюз работников сферы искусств в Северной Маньчжурии (1920-е – начало 1930-х гг.) // Университетский научный журнал. Серия: Филологические и исторические науки, искусствоведение. – 2019. – № 50. – С. 62–68.

Yakhimovich S. Yu. Sovetskii profsoyuz rabotnikov sfery iskusstv v Severnoi Man'chzhurii (1920-e – nachalo 1930-kh gg.) // Universitetskii nauchnyi zhurnal. Seriya: Filologicheskie i istoricheskie nauki, iskusstvovedenie. – 2019. – № 50. – S. 62–68.

Yakhimovich S. Yu. The activities of the cultural department of the Council of Trade Unions and the Trade Union of Art Workers in carrying out cultural and mass work in the area of the Chinese-Eastern Railway (1921–1935).

The article is devoted to the little-studied problem of the dissemination of Soviet culture by trade unions in the area of the Chinese-Eastern Railway from 1921 to 1935. Based on archival materials, many of which are first introduced into scientific circulation, the author attempts to consider and analyze the functioning of special trade union bodies that carried out cultural work among Soviet citizens in Northern Manchuria. It is noted that the main role in this process was played by the cultural department of the local Council of Trade Unions and the subordinate trade union of art workers. At first, their activities had a number of difficulties related to lack of funding, lack of qualified personnel, and lack of real-world experience in such work. However, the main obstacle was the very nature of the cultural and mass work of the trade unions, which consisted in the mandatory promotion of communist ideology. At the same time, communist agitation was banned in Manchuria, which caused constant conflicts between trade union bodies and the Chinese police. After the occupation of Manchuria by Japanese troops in 1932, the new authorities waged a ruthless struggle against Soviet cultural and ideological influence. As a result, in 1935, all cultural and mass work of trade unions was finally stopped.

Keywords: Manchuria, trade union, cultural department, trade union of art workers, cultural and mass work, club, propaganda.